

ДАТА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 341–346
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 341–346
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929[Ильин+Маяковский]

Парадоксы О. И. Ильина

И. Ю. Иванюшина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, iyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

Аннотация. Статья, приуроченная к столетию Олега Ивановича Ильина, посвящена анализу его исследовательской методологии. На примере работы 1968 г. «Гиперболы Маяковского» показаны основные принципы анализа идиостиля поэта, продемонстрированы опережающие свое время подходы к важнейшим проблемам литературоведения.

Ключевые слова: О. И. Ильин, В. В. Маяковский, гипербола, диалектика, парадокс, антиномия, содержание и форма

Для цитирования: Иванюшина И. Ю. Парадоксы О. И. Ильина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 341–346. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

O. I. Ilyin's Paradoxes

I. Yu. Ivanyushina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina Yu. Ivanyushina, iyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

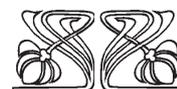
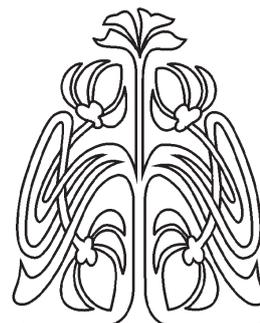
Abstract. The article, intended to coincide with the 100th anniversary of Oleg Ivanovich Ilyin, deals with the analysis of his research methodology. On the example of his work *Mayakovsky's Hyperboles* (1968) the main principles of analyzing the poet's idiosyncrasy are shown, approaches to the most important issues in literary criticism, outpacing their time, are highlighted.

Keywords: O. I. Ilyin, V. V. Mayakovsky, hyperbole, dialectics, paradox, antinomy, content and form

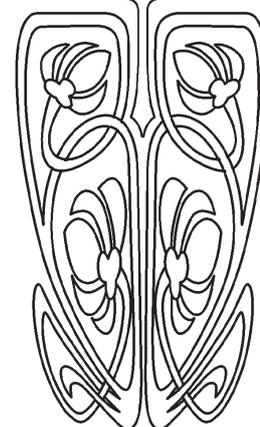
For citation: Ivanyushina I. Yu. O. I. Ilyin's Paradoxes. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 341–346 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

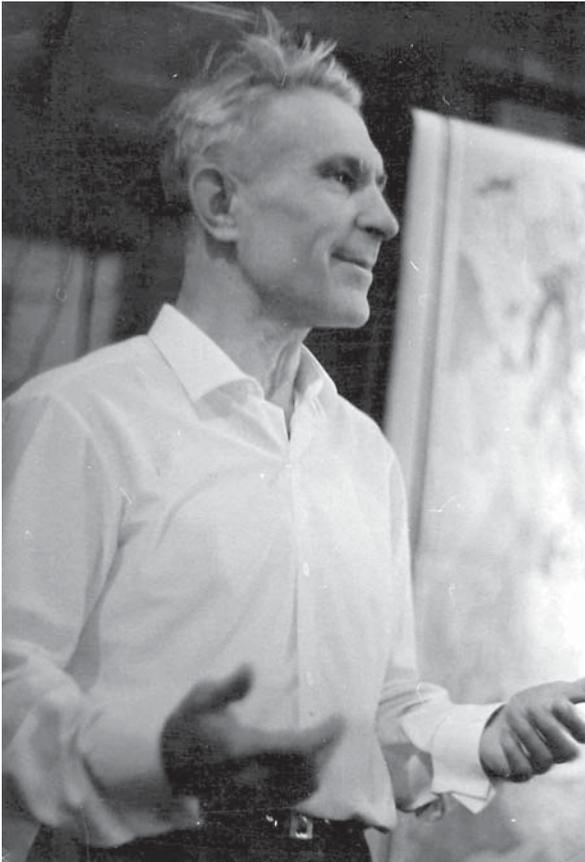
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В сентябре 2021 г. исполняется сто лет со дня рождения Олега Ивановича Ильина, доцента кафедры советской литературы филологического факультета Саратовского университета, исследователя творчества В. Маяковского, специалиста по теории литературы, сатире, научной фантастике, великолепного лектора, учителя, мыслителя.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Олег Иванович Ильин – личность, исследователь, учитель – представляет собой удивительную цельность. Все его человеческие проявления объединяет парадоксальное сочетание антиномических характеристик: яркость и строгость, азарт и логичность, талант и педантичность.

Маяковский был его любовью, именно любовью, понимающей, объясняющей, оправдывающей, защищающей от нападков и искажений, которых всегда было немало. Солидаризуясь с А. В. Луначарским, Олег Иванович повторял: «Маяковский не укладывается в “общепринятые нормы положительности”»¹. Сам Ильин тоже не укладывался в эти нормы.

Олег Иванович осуществлял проникновение в художественный мир Маяковского путем вживания в образ поэта, в некоторой степени самоидентификации с ним.

Вслед за Маяковским, он повторял: «...дело моё меня интересует, только если оно весело»², и это вовсе не означало легкомыслия, трудно было встретить более требовательного человека. Но он считал, что работать надо азартно.

Все ученики Олега Ивановича знают, как педантично он относился к так называемой организации труда, как требовал порядка в записях, карточках, библиографии, как следил даже за «орудиями этого труда» – папками, ручками, бумагой. Исток такого подхода также обнаруживается у Маяковского. В 1920-х гг. поэт увлека-

ется научной организацией труда (НОТ): «Расписал/ себя/ на год,/ хоть вводи/ в работу НОТ,/ где вы, Гастев с Керженцевым?!» (IX, 76). В статье 1926 г. «Как делать стихи?» он в числе необходимых условий творческой работы называет «<...> орудия производства. Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, <...> организованный стол <...> и т. д.» (XII, 87). Такой подход дисциплинировал, позволял сосредоточиться на деле.

Годы творческой активности поэта и его исследователя в чем-то тоже сопоставимы: бурный всплеск 1910-х и 1960-х гг. – «железная необходимость» рубежа 1920–1930-х и 1970–1980-х.

Работы О. И. Ильина 1960-х гг. поражают молодой дерзостью, яркостью, риторической насыщенностью текста. Они содержат множество открытий, которые и сейчас звучат свежо и оригинально. Как сказал бы молодой Маяковский: «А я вам открыл столько стихов шкатулок,/ я – бесценных слов мот и транжир» (I, 56).

Думается, Олега Ивановича можно в какой-то мере отнести к поколению шестидесятников. Конечно, он был старше многих из них «на отечественную войну»³. Но веяние «оттепели» чрезвычайно ощутимо в его ранних работах: с одной стороны, смелость, раскованность, полемичность, с другой – безусловная вера в «гуманистические ценности революции» (95), «высоту, грандиозность, гуманистическую глубину идеала коммунизма» (96), «величие и красоту новой, советской государственности» (89), повышенное внимание ко всему, что у Маяковского посвящено борьбе с первыми ростками культа личности: «<...> гипербола ненависти обращена против гиперболы пока еще во многом гипотетического культа личности как высшей, наиболее опасной формы бюрократизма» (92).

Но время менялось неумолимо, идеологический прессинг нарастал. Для того чтобы сделать обзор зарубежных публикаций о Маяковском в начале 1980-х, уже нужно было предварительно дать им «правильную» идеологическую оценку⁴. Стиль статей становится суше, жестче, скучнее.

Когда обращаешься к работам, написанным более полувека назад, особенно в советское время, особенно о советской литературе и особенно о Маяковском, который, по слову Ю. Карабчиевского, «дал этой власти дар речи»⁵ и на долгие годы был экспроприрован ею, неизбежно возникает опасение: а не устарели ли эти работы?

Перечитывая статьи советских лет, отмечаешь следующее:

– прежде всего устаревает их идеологическое оснащение, неизбежное и вынужденное, как у Александра Павловича Скафтымова⁶, или искреннее, как у многих: отсылки к партийным документам, трудам столпов марксистско-ленинской эстетики, оценочные суждения о буржуазных и идеологически чуждых явлениях искусства;

– довольно быстро меняются языки описания, терминологический аппарат науки о литературе:

какие-то понятия совсем уходят из научного обихода (партийность литературы), другие, казавшиеся основополагающими, употребляются все реже и осторожнее (художественный метод), третьи воспринимаются нетерминологически (пафос).

Что же остается? А остается, на наш взгляд, главное: глубокое понимание природы художественного творчества; внятная, последовательная методология анализа; проникновение в творческую индивидуальность изучаемого автора; всестороннее владение историко-литературным материалом. Всего этого Олег Иванович требовал и от своих учеников.

Строгому соблюдению общенаучных методологических принципов, системности подходов он обучал студентов, блистательно читая курсы введения в литературоведение и теории литературы. Он стремился к тому, чтобы молодые филологи осознали литературоведение как науку, строгую и стройную, где все понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены; чтобы они видели в ней систему, открытую, нелинейную, но систему.

Он учил ценить красоту мысли, ее движения, развития, оттенков. Новизну и оригинальность его суждений обеспечивали парадоксальность, антиномичность, диалектичность мышления.

Олег Иванович любил парадоксы. Он мог написать: «Гиперболы самой по себе нет нигде, потому что она есть везде» (69); «<...> когда Маяковский говорит о «спокойствии», само оно оказывается в высшей степени <...> беспокойным» (79). «Героическая сатира»⁷ – так называлась главная книга Ильина, и это был парадокс. Сатирическое традиционно относится к эстетической области комического и противопоставляется героическому.

В исследовательском и преподавательском арсенале Олега Ивановича можно обнаружить обе разновидности логического парадокса – апорию и антиномию.

Апорию он использовал в качестве методического приема на семинарских занятиях и заседаниях кружка по современной прозе. Выдвигая аргументы, противоречащие не только общепринятому мнению, но порой и здравому смыслу, он провоцировал студентов на спор, заставлял самостоятельно думать и аргументировать. Это было знакомство с диалектикой в ее древнегреческом, платоновском смысле – поиск истины путем обмена различными мнениями.

Антиномии, характеризующиеся наличием двух противоречащих друг другу, одинаково доказуемых суждений, Олег Иванович с азартом искал и находил во всех явлениях жизни и искусства. Его работы изобилуют антиномиями. Вот как он характеризовал советскую эпоху: «<...> гигантизм современной эпохи <...> с ее великой тревогой, великой надеждой, болью, любовью, красотой, нежностью, жестокостью, бесчеловечьем, бездушием <...>» (77). И это тоже было «маяковское»: «О, звериная! О, детская! О,

О, копеечная! О, великая! Каким назовем тебя ещё звали?! Как обернешься ещё, двуликая?! Стройной постройкой./ грудой развалин?» (II, 12). Но исследователь не спешил вслед за поэтом примирить эти противоречия и утверждал, что спасение «забытого котенка» все же не уравновешивает гибель «седых адмиралов».

Официально признанный диалектический метод был в советское время единственным возможным способом говорить о противоречиях действительности, о двойственности происходящего, о единстве и борьбе противоположностей.

Но с диалектикой тоже все было непросто. В. И. Ленин в статье 1913 г. «Три источника и три составные части марксизма» легитимировал гегелевскую диалектику как «учение о развитии», «об относительности человеческого знания»⁸. И хотя К. Маркс сам признавался: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью»⁹, сослаться и опираться на Гегеля было возможно.

В отличие от Маяковского, с вызовом заявлявшего: «Мы диалектику учили не по Гегелю./ Бряцанием боев она врывалась в стих...» (X, 283), его исследователь шел именно от Гегеля, понимавшего диалектику как всеобщий метод познания противоречий, внутренних движущих сил развития. Постулаты диалектики были для Олега Ивановича не схоластикой, а живым и органичным методом мышления и анализа.

К Гегелю восходит и другая любовь Ильина – любовь к эстетике. Над категориями эстетики – прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное, трагическое, комическое – он размышлял непрестанно, им посвятил значительное место в учебном пособии «Общие свойства художественной литературы»¹⁰, в курсе по теории литературы, в семинарских занятиях.

Даже в известной, подчеркнута «административной» ленинской реплике о стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся»¹¹ он стремился рассмотреть эстетическую, а не только политическую оценку, подчеркивая в ней слова «удовольствие», «вдрызг высмеивает» и «издевается».

Категория героического особенно привлекала внимание Ильина. Он мыслил героическое как область идеала, как форму причастности к сверхличному содержанию миропорядка. Героическое для него соотносилось с категориями прекрасного, трагического и – прежде всего – возвышенного. Он никогда не согласился бы с сегодняшней максимой: «Героизм одних – это следствие преступления или разгильдяйства других». Для Олега Ивановича герой не жертва. Героизм не может быть вынужденным. По Гегелю, герои – суть то, что они хотят и свершают.

Парадоксальное название книги «Героическая сатира» на самом деле точно отражает представление Ильина о формах присутствия авторского идеала в сатирическом произведении. «Героика здесь

не столько предмет изображения, сколько угол зрения, героико-романтическое видение действительности, отношение к ней»¹². А два полюса научных интересов Олега Ивановича – сатира и фантастика – это два способа экспликации идеала.

Ильин-исследователь никогда не останавливался на простой фиксации парадоксов и антиномий. Важнейшим свойством его научного мышления была системность. Потянув за ниточку одного приема, он способен был выстроить и предъявить миру всю поэтическую систему автора. Так, например, построена его статья «Гиперболы Маяковского» (1968).

Сейчас трудно поверить, но проблема гиперболы в раннее советское время воспринималась как идеологическая. Критика не могла согласовать гиперболу с реализмом. М. Горький на Первом съезде писателей называл гиперболизм Маяковского вредным. А Луначарский, В. Ермаков, В. Гофман доказывали снижение гиперболизма к концу творческого пути поэта.

Тщательно и разносторонне проанализировав гиперболы Маяковского, Ильин доказал, что «этот важнейший стилиевой принцип показателен для Маяковского на всем протяжении творческого пути, во всех жанрах» и что «ведущая тенденция состоит в нарастании гиперболизма, обогащении видов гипербол» (95–96). Тем самым исследователь предположил свое решение остро стоявшего на протяжении десятилетий вопроса о «двух Маяковских» – футуристическом и советском. Он показал единство раннего и позднего периодов творчества поэта, скрепляемое «подвижническим содержанием» и «гиперболической формой» (94).

Столь серьезные обобщающие выводы сделаны на основе определенных исследовательских процедур и методологических предпосылок.

Во-первых, проанализирован весь массив гипербол Маяковского на протяжении всего творчества. Тотальность гиперболизма поэта приводит Олега Ивановича к выводу о том, что «он связан не с какими-то побочными, а с главными, коренными свойствами его поэзии» (96).

Следующий шаг – выявление как субъективных, так и объективных истоков гиперболизма. Исследователь видит их, с одной стороны, в особенностях личности поэта, наделенного «в высшей степени обостренной чувствительностью» (97), в его биографическом опыте; с другой стороны – в «диалектике эпохи, с ее сверхдраматическими конфликтами, с ее предельными готовностями» (96).

Далее логично прослеживается эволюция этого явления от «гиперболизма притятия, утверждения, радостного освоения всего объективного мира» (74) «гипербол боли» и «гипербол радости» (77), «гипербол ужаса и гипербол счастья, но всегда безмерного ужаса и великого счастья» (77) – в раннем творчестве к «гиперболам движения», «динамичности», «изменения, развития» (80), «размежевания» и «антагонизма»

(81) – в советском. Выразительная эволюция! От притятия мира к антагонизму с ним.

Не менее впечатляющи и другие метаморфозы времени, которые при помощи гиперболы вскрывает Олег Иванович. Так, анализ «Прозаседавшихся» показывает перетекание одних эстетических категорий в другие, героического в сатирическое: «Диалектика истории была такова, что недавняя героика революции, поскольку она в новых условиях слишком преувеличивалась, становилась комической нелепостью, грозила обернуться большой бедой. Поэтическая гипербола Маяковского выступала против нежелательных гипербол самой жизни» (87).

Демонстрируя возможности диалектического метода, Ильин показывает, как гипербола количества переводит изображаемое явление в другое качество. Так, «Подлиза», который сначала «лижет ногу,/ лижет руку,/ лижет в пояс,/ лижет ниже» (IX, 360), со временем получает «бразды правления» – и это «уже явление иного эстетического плана, отличающееся не только по своей степени, но и по качеству» (85).

И совсем уже небезопасно выглядит попытка проанализировать гиперболизм ленинского образа. Олег Иванович отказывается трактовать гиперболические образы вождя и партии в поэме «Владимир Ильич Ленин» только как свидетельства «величия ленинского дела» и настаивает на эстетическом подходе: «Но ведь перед нами не отвлеченная “мысль” сама по себе, а художественный образ, “картина”, обращенная к нашему чувственному восприятию и воплощенная в слове, в определенной языковой структуре. <...> И не видеть в этом образном звене поэтической гиперболы, значит, обходить художественную специфику <...>» (90).

Педантично пройдя по всем уровням гиперболизма Маяковского, исследователь обнаруживает гиперболу самой гиперболы: «Как на детском лице заря/, нежна ей/ самая чудовищная гипербола» (I, 220).

«Лестница гипербол» (95) приводит Ильина к серьезным методологическим выводам.

Во-первых, он выводит гиперболу из привычного ряда других выразительных средств, назвав «сравнение, эпитет, метафору, метонимию, антитезу и прочие тропы» «исполнителями-винтиками» (69) гиперболы. Гипербола «является скорее принципом их работы, их внутренней организации» (69): «Она пульсирует в них, как в венах, то замедленнее, то чаще, то полнее, то с переборами, но никогда не умолкает, ибо это означало бы в данном случае прекращение “пульсации жизненности”» (69).

Во-вторых, из наблюдения за гиперболой логично следуют обобщающие размышления о соотношении содержания и формы в художественном произведении. Олег Иванович подчеркивает, что гипербола «не является “чистой формой” или со стороны притянутым “средством”, “приемом”, “конструкцией”» (88). Гипербола

– это метод раскрытия предмета: «Вместе с тем, это не только принцип видения, но и характер показа, свойство образного мира произведения, его художественного строя, его поэтики и стилистики» (88). Гипербола у Маяковского – «это форма самого содержания, форма художественной идеи, нацеленная форма» (89).

И, наконец, в-третьих, на основании анализа гипербол поэта Ильин приходит к заключению о природе творчества как такового. Исследователь доказывает, что «гипербола коренится <...> в самой природе метода и жанра и оказывается неотделимой от глубинного назначения искусства вообще» (82), которое, по Маяковскому, «не отображающее зеркало, а – увеличивающее стекло» (XI, 353).

Статья Ильина о гиперболах поражает парадоксальным сочетанием методологически строгого анализа и романтически-возвышенного стиля. Предмет влияет на исследователя. Метафорически-гиперболическая образность Маяковского растворена в тексте исследователя: «"Громада из смеха отлитого кома" вкачивается в первую "Ночь" Маяковского. Далее наступает "Утро" ... "Порт" ... Гиганты-корабли готовы к отплытию, "косые скулы океана" их совсем не страшат, а скорее манят... Так же смело из улицы в улицу разбегаются переулки, "засучив рукава для драки"» (74).

Порой кажется, что и сам исследователь впадает в гиперболизм: «Маяковский пытается совместить здесь все начала и концы русского и мирового фольклора, возводя его на такие вершины гиперболизма, каких, наверное, могли бы достичь слагатели и сказители античных мифов, русских былин и литературных эпосов, если бы все они собрались вместе с Гомером в день Октябрьского штурма и вознамерились воздать должное величию происходящего, на тысячи лет вперед зная результаты русской революции...» (80). Но завершив эту фразу, Олег Иванович добавляет после многоточия: «Таким, по крайней мере, был замысел Маяковского» (80), переводя все сказанное в разряд несобственно-прямой речи поэта, передающей логику именно его рассуждений.

Статья изобилует риторическими фигурами, многоточиями, открытыми вопросами и отказами отвечать на них с полной определенностью: «Посильная ли это задача? Кто знает» (72), «Новый миф о новом Прометее? Может быть» (75), «Безумство храбрых и жаждущих битвы, распаленность чувств, разгул воображения? Можно и так понять» (78). Это создает «открытость» текста, раздвигает его границы, стимулирует дальнейшее развитие мысли.

Но главное – исследование Ильина богато идеями, подходами, методами, соответствующими самым передовым тенденциями гуманитарной науки того времени, а иногда и опережающими их.

Показательно, что исходя из общих оснований, гегелевской философии и опозовской филологии, Олег Иванович в 1960-х гг., одновременно с

теоретиками тартуско-московской семиотической школы, приходит к необходимости функционального и структурного подходов. На всех этапах анализа гипербол он неизменно выделяет их функции: изобразительную, познавательную, действенную, эмоциональную и др. Он размышляет о языковой (90), композиционно-стилистической (97), формально-поэтической структуре текста (77), о «трехчастной структуре сатир Маяковского» (88), видит в лирическом принципе структурообразующий центр его произведений (74).

Опережающее внимание к рецептивной эстетике и прагматике поэтического текста ощущается в размышлениях о «пестроте "потребителя" искусства» (86) 1920-х гг.; в педантичном на полстраницы перечислении «жанров речи», используемых Маяковским, а также необычных «адресатов» его посланий (98).

Отталкиваясь от Аристотеля, Ильин описывает один из механизмов литературных трансформаций: «Властное величие большого таланта может быть измерено лишь мерой усилий, затраченных на его преодоление другим талантом» (77). Позднее, в 1973 г., такой механизм наследования будет описан Х. Блумом как «страх влияния»¹³. Блум, в свою очередь, ссылается на Кьеркегора, писавшего: «Каждый будет велик относительно величины, с которой он боролся»¹⁴. Трудно сказать, мог ли в 1968 г. Олег Иванович прочесть Кьеркегора, но опираясь на Аристотеля и на футуристическую практику Маяковского, он делает аналогичный вывод.

Реконструируя поэтический универсум Маяковского, исследователь уделяет особое внимание его футуроцентричности, устремленности к грядущему вселенскому счастью: «Поэта никогда и ни в чем настоящее не устраивает вполне, им движет жажда приближения будущего, того огромного блистающего будущего, в котором нашлось бы место для счастья – личного и общего – и ему <...> и всем людям труда» (93). Слово «утопия» еще не произнесено, работы об утопическом сознании поэта появятся только через четверть века¹⁵, но понятие «утопия» перифрастически присутствует в этом отрывке.

Появляется в статье и антиутопия, вернее, дистопия. Это финал поэмы «Человек»:

Погибнет всё.
Сойдёт на нет.
И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.
И только
боль моя
острей –
стою,
огнём обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви (I, 272).

Олег Иванович размышляет: «Что это? Может быть, результат атомной катастрофы на Земле? Нет, перед нами явление более грандиозное. Это буквально вселенская гибель, погружение во тьму всего космоса, черное небытие» (75). «Было все это, или только будет?» (76) – задается вопросом исследователь. И не дает ответа.

Ильина особенно привлекала прогностическая функция произведений искусства. Сатиру Маяковского он называл сатирой предвидения, предостережения, пророческую сатиру и сравнивал ее с «научно-фантастическими романами наших дней» (76). Прогностической функцией, как видим, оказались наделены и работы самого Олега Ивановича.

Заканчивая разговор о поэме «Во весь голос», он написал: «От себя поэт требует полной самоотдачи, но у ЦКК Будущего он ничего не просит: молча стоит и ждет, повелительно подняв “все сто томов своих партийных книжек”. Даже здесь не удержался от гиперболы, ведь ста томов все-таки нет...» (98).

Нет «ста томов» и у самого Олега Ивановича. Но среди написанного им есть настоящие шедевры.

Всем памятливы строки Маяковского:

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ошупывайте их,
как старое,
но грозное оружие (X, 281–282).

Работы О. И. Ильина, опубликованные полвека назад в кафедральных сборниках на плохой бумаге малым тиражом, не утратили своей эвристической силы, они по-прежнему вдохновляют на новые исследования и будут полезны молодым ученым фактологически, методологически, стилистически, а в конечном счете – нравственно. Было бы справедливым вернуть их в научный оборот.

Так в год своего столетия Олег Иванович Ильин сможет сам рассказать «о времени и о себе».

Примечания

- ¹ Ильин О. Гиперболы Маяковского // Проблемы развития советской литературы : сб. ст. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. С. 71. В дальнейшем все ссылки на эту работу Ильина даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.
- ² Маяковский В. Я сам // Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1955. С. 29. В дальнейшем все произведения Маяковского приводятся в тексте статьи по этому изданию с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- ³ Олегу Ивановичу нравилось стихотворение А. Межирова «Возраст» (1972), в котором были строчки: «И жестокость наивной твоей правоты/ Я тебе не поставлю в вину,/ Потому что действительно старше, чем ты,/ На Отечественную войну» (Межиров А. Под старым небом : стихи. М. : Советский писатель, 1977. С. 200).
- ⁴ См.: Ильин О. Новое о Маяковском // Методологические проблемы изучения советской литературы : сб. ст. / редкол. : Я. И. Явчуновский (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 34–60.
- ⁵ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М. : Советский писатель, 1990. С. 44.
- ⁶ См.: Ивановица И. Ю. Историческое и экзистенциальное в статьях А. П. Скафтымова о драматургии А. П. Чехова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 48–52 ; *Ее же*. О полиглотизме статей А. П. Скафтымова о Чехове // Наследие А. П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы : материалы вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7–9 октября 2014 г.) В. В. Гульченко [и др.] ; редкол. : А. Г. Головачева (отв. ред.) [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2015. С. 21–27. (Бахрушинская серия).
- ⁷ См.: Ильин О. Героическая сатира. Саратов : Саратов. книжное изд-во, 1962.
- ⁸ Ленин В. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 23. М. : Политиздат, 1973. С. 43–44.
- ⁹ Маркс К. Послесловие ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1954–1966. Т. 23. С. 21.
- ¹⁰ См.: Ильин О. Общие свойства художественной литературы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972.
- ¹¹ «Вчера я случайно прочитал в “Известиях” стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно» (Ленин В. О международном и внутреннем положении Советской республики // Известия. 1922. 8 марта).
- ¹² Ильин О. Героическая сатира. С. 113.
- ¹³ См.: Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998.
- ¹⁴ Там же. С. 63.
- ¹⁵ См.: Ивановица И. Творчество В. В. Маяковского как феномен утопического сознания : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1992.

Поступила в редакцию 21.04.2021, после рецензирования 07.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 21.04.2021, revised 07.05.2021, accepted 12.05.2021